

ВМФНФ

1
Секретарь
С. С. С. С. С.
1930

XX 10/1
1

10

Эскадра Черноморского флота на маневрах.

10 коп

КИНО-ДЕКАДА

„ПРИВИДЕНИЕ, КОТОРОЕ НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ“

Материалом для этого фильма послужила новела Айри Барбюса, рассказывающая об американском революционере—рабочем, попавшем в тюрьму, о самой тюрьме и о том, как герои удались, вырвавшись на свободу, не вернуться обратно.

Впервые за много лет существования советской кинематографии зритель видит картину из американской жизни и в эту «Америку» он верит, несмотря на то, что фильм советского производства. Все строго, точно, подлинно. Режиссер Роом не помет персонажей картины в виде жутких злодеев—на ролях тюремщиков и шпика или ультра-социальных, стальных борцов—на ролях рабочих. И те и другие—живые люди, но люди различных лагерей, и каждый из них со свойственным ему классовым самосознанием. И Америку с ее уточненной «культурой», до которой вряд ли смогла бы додуматься средневековая инквизиция, режиссер знает как подать. Тюрьма—светлое, чистое здание, стены, выходящие в тюремный двор, заменены решетками от потолка к полу. В ней нет застенков, нет мрачных колодезь, но вечная жизнь на виду надсмотрщиков, тесные картеры, в которых нельзя сделать малейшего движения... разве это не уточненная пытка, могущая довести человека до сумасшествия.

А право на один день свободы, давнее арестантам за десятилетний тюремный стаж, право, которым так умело пользуется тюремное начальство. «Привидение, которое не возвращается»—это значит, что побывавший на один день эти стены уже никогда не перестет. Подосланные шпика сумели избавиться от нежелательного, беспокойного арестанта, не навлекая подозрений на американское правосудие. Вот подлинное лицо капиталистической Америки, капиталистического правосудия и «культуры», лицо, прикрываемое обычно маской «гуманности» и умело обнаженное рукой большого художника кино—Роома.

«Привидение, которое не возвращается»—ценный вклад в советскую кинематографию, вклад большой художественной и социальной значимости.

„ПЕРВАЯ КОННАЯ“

История возникновения Первой конной и дальнейшие ее шаги—героическая страница в борьбе Красной армии за Советский Союз. Дать зрителю, а также и потомству представление о ней—задача ответственная, благодарная, но и чрезвычайно трудная. Трудная потому, что этот фильм должен быть не игровым, т. е. делаться исключительно на подлинных документах, а, к сожалению, их

сохранилось (вернее, было заснято во время гражданской войны) весьма и весьма немного. Пришлось идти на хитрость: пользоваться для показа военных операций диаграммами-мультипликациями; заснять те места, где зарождалась и разворачивалась Первая конная, а не само зарождение и военные действия; использовать маленький архив подлинных кинодокументов. По диаграммам и кинодокументам зритель следит за каждым шагом славной Первой конной армии, реорганизованной из конного корпуса. Он видит продвижение Девякина к Туле и вслед затем наступление только что рожденной Первой конной, обросшей Девякина далеко назад. Разгром дивизионской армии, героический переход Первой конной на Польский фронт и затем, после удачных операций, переход в Крым—добивать последнего врага—Врангеля. И, наконец, Красная конница в мирной обстановке.

Картина имеет большую политическую ценность. На героических примерах гражданской войны она показывает зрителю славное прошлое и дает ему бодрую зарядку и революционный энтузиазм для предстоящих боев с капиталистическим миром.

Кадры из картины «Привидение, которое не возвращается».

ДВА ЛАГЕРЯ

СМЕНА

№ 10 АПРЕЛЬ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. "Молодая Гвардия"

Ответственный редактор С. Комрад
Заведующий редакцией Я. Юдицкий

Рис. Б. Проорокова

ПРИВЕТ БОЕВОМУ ОРУЖИЮ КОМСОМОЛА — „КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ“

Заслушав сообщения о предстоящей вскоре 5-й годовщине «Комсомольской Правды», конференция рабочей молодежи—читателей «Смены»—Бауманского и Пролетарского районов г. Москвы, в числе 2500 человек, шлет центральному органу ленинского комсомола свой боевой привет.

Собрание с удовлетворением отмечает, что газета быстро находит и исправляет ошибки прежней редакции, и приветствует правильную политическую установку нового руководства.

Приветствуя необходимым широчайшее распространение «Комсомольской Правды» среди комсомольцев и рабочей молодежи, собрание вместе с тем высказывается за то, чтобы «Комсомольская Правда» дополнила свой арсенал журналом «Смена», который должен стать приложением к газете, взаимно дополняя ее.

Да явствует массовая комсомольская печать!

„СМЕНА“ БУДЕТ ИМЕТЬ 300000 ТИРАЖ

Редакция «Смены» вместе с особой тщательностью по распространению «Смены» при МК ВЛКСМ провели ряд вечеров журналов в Москве. Особенно удачно прошел вечер Бауманского и Пролетарского районов. Присутствовало на вечерах трех районов (Бауманского, Краснопресненского и Пролетарского районов) более трех тысяч читателей. Участники конференции приняли самое горячее участие в обсуждении работы журнала. Общим для всех конференций постановлением было: **ВСЕМ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ ВЫПУСКАТЬ БОЕВОЕ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ — СМЕНУ.**

Редакция уверена, что районы полностью выполнят контрольные цифры, установленные для них комиссиями Московского комитета комсомола.

Комсомольцы и рабочая молодежь других городов не должны отставать от московской комсомолки.

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, Издательство «Молодая Гвардия».

Телефон 2-35-26.

Обложка художника В. ЛЮЩИНА

Соревнуйся по-ленински—

Это значит:

По-ленински выполнить

Задачи,

Прорывы и срывы взять

В оборот,

Пятилетку закончить

В четвертый год.

Организовать борьбу с баптистами, с церковниками различных мастей мы еще как следуем не научились. Н. Богданов рассказывает, как имело «христовым братьям» валекает в свои сети молодежь, какими средствами они для этого пользуются.

ТАРАСКА

Рассказ Н. Богданова

Рис. В. Лушина

Тараска сел на опушке леса. Мрела тишина. Касатки летали над обрывом оврага.

«Вот,—подумал он,—режутся на свежем воздухе и нет ни заботы, счастливые существа!»

Он еще раз вздохнул. Все представлялось безрадостным. На переборах его жестоко раскритиковали, и вместо него секретарем райкома выбран его всегдшний недруг Тарабанчиков. Обидней всего, что именно он.

Этому невзрчному парнишке, который и в союз-то без года неделю, передейт райкомский портфель и сорок два рубля жалования,—и то и другое одинаково жалко.

Вдруг одна касатка с разлету нырнула в траву и запуталась. Тараска подскочил и накрыл ее картузом. Пушистые тельце забилось в его руке, сердечко ее колотилось, готовое выпрыгнуть. Взгляд Тараски упал на ее красивый открытый ротик, и он увидел—полов ротик комаров и мошек!

«Вон что! Так ты не ревелишь, а мошек истребляя! Вот жизнь! Сколько оно их загубила? Смотрел я на ее красоту и радовался, а про этих мошек и не думал, так, ведь, и все! Так веаде. Вот и моя история».

Какие все-таки хамство! Ну, сказали бы просто—борьба, друг, ты оказался слабее, уступи. А то нет; и заким самокритики, и оппортунизма, чорт знает что наговорили. Это про него, у которого стаж чуть ли не десяток лет! Эх!!!

— Не давите птвичку, пожалуйста...

Тараска обернулся. Перед ним стоял хорошо выбритый юноша. Синие куади его падали на плечи, черный пиджачок и брюки поперх салог, в руке тросточка.

— Не давите птвичку. Вы так чем-то увлеклись, что, размахивая руками и сжимая куадики, совсем забыли про касатку.

— Грisha, чего-ж ты меня наив? В баптистах стал—и друзей забыл! Неужто не помнишь, как в ночном борозилс? Вот чудак!

— Я, братец, вас помню, и люблю к вам живить в моем сердце. Давно вы не показывались в наших краях.

— Я в райкоме работаю, а ты чем занимаешься? Чудной слог стал у твоего разговор...

— Я, братец, чтением много занимаюсь.

— А еще чем?

— Да так, ничем.

— А за что-ж они тебя кормят? Ведь они, баптисты, скупые. Ты ошибешься, братец. Если бы стал братом во Христе, и тебя бы ни в чем не оставили. У нас давно коммунизм. Пришли мы к нему не кровопролитием и насилем, а только с верой христовой, выполняя его заветы.

— И там всех кормят?

— Везде.

— Ну, а если весь свет в баптисты передейт?

— Наступит, братец, царство небесное на земле...

— Выразайся проще: коммунизм значянт?

— Идет ваши, братец, один, но только коммунизм—это злободное нечто. Взять принципы Христа, они лишили их святости и возвышенности. То, что достигается верой и смирением, хотеть сласть силой. Нельзя построить счастье человеческое на хитре.

— И действительно у вас что-то получается?

— Истинно, брат мой...

— Вот как. А я думал, вы просто чудакки.

— А ты приходи, братец. Обшая беседа и молитва у нас по воскресеньям, завтра, значянт, приходи обязательно.

— Чорт, пожалуй, приду. Только сухой ты стал какой-то, Грisha... Неужели все у вас такие?

— Нет, братец, я живу сложной внутренней жизнью; размыслию много; оттого нет во мне юношеской резвости.

— Что же, о правде думаешь?

— Об истине...

— Ну, так, ведь, и я о правде. Вот как добиваюсь в Москву схать решаш!

— Никуда тебе ездить не нужно. Истина, братец, внутри нас. Подумай, братец, над моими словами и в воскресенье приходи.

Грisha тихо удалился в лесок.

«Что это мне, привидение, что ли?»—Тараска взяла робость. Он бросил полузадушенную касатку и пошел домой, а когда встретил деда Егора Пиненца с удочками, даже вздохнул и поведселе.

«А все-таки я к ним схожу. Так, смеху ради».

С любопытством подходил Тараска к дому Лубкова, баптистского пола. Темные старинные строения еще в детстве волновали его воображение. И когда бабушка рассказывала про бабу-ягу, построенную причиную избу с конфетной крышей, что ребятишек заманивать, он решил: избушка эта где-то внутри лубковских строений.

И верно. У Лубкова была причинная мастерская где-то внутри двора. Там Тараска никогда не был. Тайной пократы были хоровым Лубкова, и много рассказанье ходило о них. При одном взгляде на дубовые, черные от времени бревна большого высокого дома и сараев под одной и той же крышей, на окна, маленькие, в решотках, подбитые под самые застрехи, так, что не заглянет любопытный взгляд—приходили на память самые страшные рассказы.

Революция мало коснулась Лубкова. Он объявлял, что всем владеет община. Причинеое заседание его переименовалось в гартель евангельских христиан.

Приники их славились на весь округ. Любый налог вносили они аккуратно,

— Не давите птвичку, пожалуйста...

прямо чехом из уездного Н банка, были смиры и поклически. Местная власть относилась к ним даже с каким-то уважением и не трогала, оставляла в покое.

В сумраках на мрачном фоне пригородного села замерцали высокие окна хороших таинственных домов — так каждый вечер. Доносились через двойные окна слабое тенью, а все, что делалось там, внутри... неизвестно. И если бы не дети, звонкой ватагой забегавшие в дубовые ворота, можно было бы приврать эти хоромы за какой-нибудь монастырь. Тараска вошла в ворота с толпой детей. Он разглядел их. Больше всего были белые одетые, дети деревенских нищеты. Зачем бежали они сюда? Говорят, баптисты их подкармливают. Забиточные, держась исконной веры, сюда детей не пускали, а голые же равны перед нечего: схватят ребятишки лишней кусок пирога — и ладно, а там, у баптистов изид, у православных — неважно. Сквозь пальцы смотрели родители победнее на хождение своих детей в хоромы Лубкова.

Детей встретила женщина во всем белом. Голос был у нее грубой, привный.

— Кто мне, ангельчики мои, ко мне. Соскучились по духовной маме своей?

Дети бросились целовать «духовную маму». Она гладит их по головкам и одевала каждого прикосом. Затем, шумя белыми одеждками, увела детей в террасе коридор.

Тараска остановился в замешательстве — его не заметили — входил ни входить? И когда он сделал движение уйти, за сумраком — вдруг явилась девушка. На ней не было белых одежд, хороший костюм туго обтягивал ее фигуру.

— Колеблесь? — полушолоком, полунасмешливо сказала девушка. Тараска смутился.

— Хотите, я все проведу. Не ожидай ответа, она сошла с крыльца и аваяла его за руку. Невнятная и горячая была рука девушки, Тараска почувствовал сладостное томление и подумал: «Это Тараска, дочь Лубкова, про которую столько говорят. Видел ее раза два девочкой. Какая она теперь?» Любопытство совсем овладело им.

Они шли по коридору. Несколько раз Тараска путался ногатами и спотыкался, хв ватался рукой за плечо девушки. Рука касалась теплой пушистого свитера. Сквозные прикосновения отдавались сладкой дрожью во всем теле — так принято было идти этими темными коридорами. Тараска даже не помнил в жизни таких таинственно-приятных минут.

Вот и мозельня. Просторный зал, по стенкам скамьи, обитые полостаями, сотканными из разноцветных лоскутков коврикками, посредине стол накрытый черным пледом, на столе евангелие, в правом углу фигура фисгармоний, у входа столик, на столе журналы. Тараска остановился и переаиста «Баптиста» — свежий номерок на хорошей бумаге. Адрес редакции: Москва, Тараска начал листать. Пробежал глазами статьи, портреты святых и чисто одетых людей. Лозунги о Христе и непоколебимой вере, выдержки из евангелия и проповеди и вот на последней странице прочел — отчетчато в Интернациональной 39 типографии Мосполиграф.

Тараска смутился. Его расстроило и озабочило это нелепое произношение.

«Голову морочат», — подумал он. — Называют себя «Интернациональной», а на баптистах деньги ищивают! Гад!».

Он уронил журнал и, неловко нагнувшись, чтобы поднять его, заргелет столон. На Тараску шапками. Поднявшись, он разглядел на скамьях тисне фигуры оживающих беседы. Вот они подыкались со своих мест. Дверь распахнулась. Вошел сам Лубков, в черном, хорошо сидящем костюме; белый ворот рубашки оттоптал аккуратно подстриженную пепельную борозду с ним вместе вошла Гривша. Волосы его свалили на лоб и были ровенького подстрижены, оставляя белую полоску лба над черными атласными бровями.

Белый лик его напоминал святых юношей на старинных картинах. Казалось, из крапички не было в его лице, нежнейшее, «светое» машко текло в его жилах. Движенья были вялы, и белые пальцы медленно растеклись по черным клавишам фисгармоний.

Звук поднялся медленные, растянутые, и в душе вдруг что-то задрожало.

Тараска показавшись, сам он запел жалобно и благоговейно. «Что со мной? Он прислонился к стене — пенне окружающих воцарило его и томно.

— Дорогие братья и сестры, — раздался разрагивающий, вибрирующий голос Лубкова. — Прежде чем приступить к беседе, помолимся и раскажем друг перед другом господу о вольных и невольных прегрешениях наших, сделанных за эти дни.

— Господи, Иисус мой, прости меня недостойного, — начал он сам, — в четверг вечером не сдержал и раздражен и ударил господу ноги ни в чем не повинное животное — лошадь свою Пальму. Господи, прости меня...

И вот весь зал переша шотом, затем громче и громче, с выкриками, заставлявшими больно издвигать, начал катиться.

— Прости, прости, Христос любимиый, прости меня. Вчера я ядло подобраа вод телегой, а снесла-то его курица соседа.

— Господи, отпусти грех мой невольный. Плохо подумал и о соседе своем: думал топором или у меня украд, а топор-то ребята в оини затащили.

Тараска самому захотелось прогнуться на колени, выкрикнуть какой-нибудь самый стидный и таинный проступок свой.

— Дорогие сестры и братья, давайте споем песню свидания.

Гривша откинулася за фисгармонией, дал тон, и все запели. Мотив знакомый, тысячу раз слышанный, оттого приятный. Какой это мотив? Ловил и не мог помять.

Собралась миа сода христианской семьей, Балахее от грехов, от обиды лубковской. Пусть преследуют нас, нам их терпеть венец, — В рай зато приведет своих деток отец.

Да, да, вот он мотив: «Ах, зачем эта ночь так была хороша! После отгадки мотива в душе Тараски пробоял ветерок усмешки. Гривша с фисгармонией показавшись ему комичный в своей адоносивной позе.

Он огляделся и заметил знакомых молодых парней и девушек. Смутившись, они не выдержали его взгляда. Только франтишка и заводилочка Танька Шараватова озорно стреляли в него глазами. «Что их сюда притащило, в задунайную обитель, таких отчаянных девок? Он не успел додумать, сладостная рука легла на его плечо.

— Подумай, — сказала Танька, — я проведу нас к детям.

Он радостно отдался в путеводной руке. Медляя, стараясь проидти дорожку и ждала только одного — еще и еще прикоснуться к пушистому свитеру, обтянутому ее стройными и нежными плечами.

Из другого конца хоридора доносилась песенка. Была она жалостлива, презервировала колокольничью несколько удивительно звонких голосов. Тараска остановился и заслушался. Здесь, в темном коридоре, вдвоем с Танькой они казались сказочными: Танька поиняла его и несколько минут, не отнимая руки, стодал и слушала детскую песенку.

Она вместе они тронулись и вышли в зал, поиняла два беседы, но светлее его, — светлость эта происходила от белых вышитых полотенец, развешанных по стенам.

Тараска взглянул и не узнал знакомых сельских ребятишек. Все они одеты в белые платья, и не отличить девочек от мальчиков. Проповедница, одетая в белое, водила с ними хоровод вокруг елочки и дети старались:

Елочка, елочка
Вечно зеленая,
Символ святой
Воскресения божьего.
Елочка милая,
Елочка, елочка.

Умилно смотрели на них женщины, прислонясь у притолоки. Их собралось все больше и больше.

— Вот привили наши родители. Верочка, скажи им, кто ты. — Обратился проповедница к дочке Свечки, пятилетней синеглазой девочке.

Голошком толкеником она проговорила:
Я — божья свечка,
У меня чистое сердечко.
Люди меня не обижают,
Ангелы крымлянкики обвзавот.

Она замолчала.

Гривша откинулася за фисгармонией, дал тон, и все запели.

КАТАН... В ПОХОД ЗА УГЛЕМ И НЕФТЬЮ

Рис. Кукрыниксы

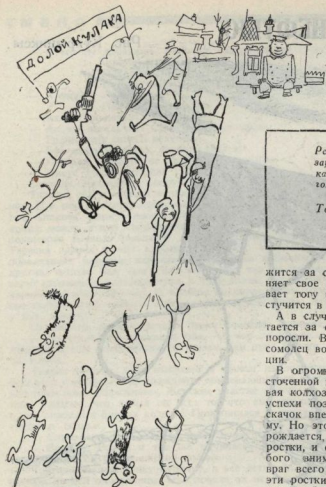

Ударная бригада „христова наместника“.

О СОБАКАХ, ХУЛИГАНАХ И ПРОЧИХ

И. Киселев

Рис. Б. П.

Раскулачивание началось с уничтожения собак.

Слышали ли вы курских соловьев? Бывали ли вы на роскошных садоводческих полях черноморской равнины? Особенно ранней весной, когда густой зеленью покрывает степь и в вышневых напесках застрелит знойной трелью сотни соловьиных голосов.

Курский округ—это наша РСФСРовская Украина по природе, по климату, где все обильем дышит, где реки льются, где все серебра, где ветерок степной ковыль колыхает.

Да, но теперь не только ветерок, а ураган, свирепый вихрь хлещет по старым белым насадам курской деревни. Умиряют последние «старосветские» усадьбы, огороженные со всех сторон изгородью и густой порослью крыжовника, смородины, малины. Рушатся «старосветские» усадьбы, докопаны подгнившие корни кулацких хозяйств, и на смену им вырастают мощные колхозы, производственные комбинаты, заглушая соловьиною свирель равномерным шумом моторов, скрином гусеничных колес трактора.

В деревне Чаплыгинцы крестьяне строят общественные конюшни, амбары, обобществляют скот. Сотни, тысячи деревень покидают наизаживные места. Больше 50% крестьян Курского округа уже в колхозах.

Бойко готовится к весне. По степным снежным сугробам занрагла веселая тракторная трескотня, смешанная с гулким людским говором. Завертелись тысячи тригерных колес, загудели сотни молотов в ремонтных мастерских... Когда проезжаешь по этим занесенным снежными сугробами деревням,—какой новою дышит от этих сорбленных вью и от этих чалыных труб. Миром приходит воображение, а на месте этих гнилых хахули видны чистые, новые дома, клуб, школу, а в вышневых рощах видны дети, которые под соловьиною трелью потешаются над расказзани старика о жизни былой.

Мечется, точно в чужом стане, хитрый зверь—кулак. Шепчет, поет себе отходную этот последний представитель старой, помещицкой, боядынской деревни. Цепко дер-

Жестильно ликвидируя кулака как класс в районах сплошной коллективизации, борясь с теми, кто пытается посоветь перед завершением кулацким, пресекать всеческие попытки кулака, нужно вместе с тем бороться против тех, кто толковательскими действиями компрометирует партийные решения, кто переносит нашу политику по отношению к кулаку на середняков.

Тов. И. Киселев дает в своем очерке картину переживаний, которые допускали выживки в районах коллективизации.

жится за свои корни. Под «радикала» загоняет свое имущество, распродает, нагибает толпу бедняки и с камнем за пазухой стучится в колхоз.

А в случае неудачи идет напролом. Хватается за оруд, убивает носителя новой поросли. В Ивановском районе убит комсомолец во время работы по коллективизации.

В огромных муках, в решительной ожесточенной классовой схватке рождается новая котловина деревни. Но уже огромные успехи полади. Деревни сделала большой скачок вперед, к новому, лучшему, светлому. Но это новое местами только что зарождается, брошенные семена только дали ростки, и они требуют особого ухода, особого внимания, осторожности. Основной враг всего нового в деревне—кулак. Надо эти ростки оберечь от кулака, который с животной ненавистью смотрит на своего мотельщика. Надо ликвидировать кулака, снести эту последнюю плотину, дать свободно развернуться буряющему потоку коллективизации.

А как же иначе? Принять кулака в колхоз, дать возможность неприятелю пробраться в собственные ряды с тем, чтобы он изнутри взрывал новое здание?

Нет. Партия дала лозунг—ликвидировать кулака как класс, выкорчевать последние корни капитализма в деревне.

И вот, когда партия бросает этот лозунг, когда она напрягает все свои усилия, когда рабочий класс отдает лучшие свои силы в деревню на стройку колхозов, когда бедничко-средничские массы колхозом и трактором вооружаются против кулака, в наших рядах обнаруживаются самые злешние враги, заклятые неприятели. Своими действиями они, выступая от имени партии и совет-

ской власти, наносят не менее опасные раны, нежеди кулак, выступавший с обзром против действительных революционеров. Этот ступ врагов очень малочислен. Говорят мы о них потому, что они омрачают светлый фон растущей социалистической деревни, компрометируют мероприятия партии и советскую власть, помогают кулаку в его борьбе против коллективизации.

Головотяпы, хулиганы, загощники, мепшонички—все они именно во время битвы во время боя припадают к советскому телу и, как самые злые насекомые, как вши, мешают нормальному росту. Мы все помним, с какой жестокой ненавистью относился Ленин к таким людям; с какой силой обрушивался он на них в период гражданской войны и разрухи. А они остались живы, питаются корнями мелкобуржуазной стихии. Они выжили сейчас на свет бойей.

«В Нижне-Гуторском сельсовете. Пригородного района, уполномоченный по колхозизации, некто Преображенский, организовал группу комсомольцев и производил налеты в порядке «раскулачивания». Эта группа устраивала обасы, отбирала имущество без некой описи, при обысках крапа вещи. Дело дошло до того, что Преображенский стащил сапоги с какого-то гражданина в порядке раскулачивания и натанул их на собственные ноги...»

«В казакском сельсовете член партии Лукьяничков, под видом раскулачивания, требовал масла, свинины и т. д.». Люди воспользовались властью, доверием и сразу обноружили свою рединую мошенничества и самодурства, хулиганства и горловатства. Им лезать на директивы партии. Они, такие люди, вообще не имеют особых убеждений и, идя на грязные поступки, они не испытывают никакой боли,

Плакат в Егловском колхозе.

кроме страха, как бы не попасть под суд, как бы не узнали и округе.

А в этом факте брать для себя лично, что попадает под руку, ярко склавывается психология таких «коммунистов», «комсомольцев», которые работают ради коллективных вонюх базенок, а вовсе не ради коллективизации.

Величайшее дело ликвидации кулака как класса нижегородские работники превратили в дедов грабже, а разбазаривание кулацкого имущества, в легкую наживку для себя. С такими негодными церемониться не следует. Их немедленно нужно отдавать под суд. Из Курского округа их надо убраться туда, «туда Макар телит не гоняк». «Во втором Рыжковском сельсовете додумались раскулачивать беднячку за легкомысленное, как показало местным властям, поведение. Сельсовет под руководством коммунистов вынес решение: а по ряду раскулачивания выселит за пределы ЦНО одну беднячку за... половую распушенность, а имущество передать в колхоз».

Неподражаемый, притом гнусный пример издевательства, самодурства. Выселить беднячку за... половую распушенность. Тут уже, на руку с головотиским действием, несомненно, действует кулак и действует хитро: выселим беднячку, расстроим ряды бедноты, скомпрометируем идею ликвидации кулачества как класса... и кулак в своей борьбе использует все методы для этого. Но что нужно носить на плечах, чтобы не заметить этого кулацкого маневра, что нужно наваливать на глаза, чтобы не разгадать этой кулацкой подлости? А, ведь, там сидят коммунисты, комсомолы, но не замечают... ни к чему... прошли мимо.

Мы полагаем, что рыжковские сельсоветчики, эти гнусные предатели рабочего класса, должны дорого заплатить за агентурную кулацкую работенку.

«В третьем Дьяковском сельсовете раскулачивание началось с уничтожения собак. Группа комсомольцев в организованном порядке, под руководством партвиррепенленного, уничтожала за один день около 25 собак, принадлежавших кулакам».

Ну, а это просто какой-то бессмысленный, idiotский поступок, это — явная хулиганская выходка позушного мелкого буржуа. А, ведь, в селе Дьяковском, помню собак,

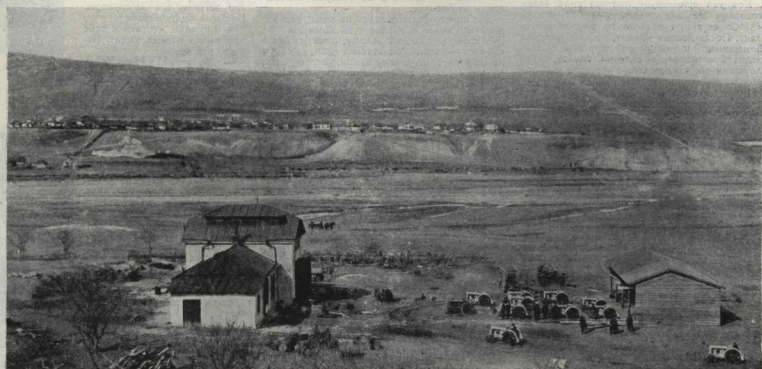
Преображенский ставил сапоги с какого-то гражданина.

много действительных кулаков, которых необходимо ликвидировать. Но они отплатились собаками. В представлении дьяковских вождей собаки, видимо, являются основной социально враждебной группой в деревне. Иначе зачем же мобилизовать все лучшие силы деревни на ликвидацию... собак.

А между тем, и этот факт, явно хулиганского порядка, несомненно, произвел отрицательное впечатление на середнячков и на бедноту и может явиться хорошим оружием против коллективизации в руках кулака.

Мы уже говорили, что факты эти единичны. Но они слишком больно бьют по новым росткам деревни, слишком дорого обходятся нам. И поэтому-то надо ударить

по ним самым решительным образом, выжечь их каленым железом. Все, кто попытается нарушить директивы партии, кто не поймет необходимости и всей серьезности задачи ликвидации кулачества как класса, кто пожелает наживаться на этом деле, будет сметен в мусорный ящик и вместе с кулаком могут оказаться в далекой северной обители. И те, что вместо ликвидации кулачества в районах сплошной коллективизации пытаются распространить этот лозунг на середняка, будут немедленно отстранены от работы и преданы суду. Надо самым решительным образом очистить партию и советский аппарат от примазавшихся головорезов, взбесившихся мелкобуржуазных «революционеров», от хулиганов, взяточников и прочей дряни.

Машино-тракторная станция в селе Калычевском (Червоная АССР).

Бытовая коммуна завода АМО. Комната отдыха.

Всюду следы неважнойстройки. Еще не вылезли шпатель, бочки из-под цемента, обломки кирпичня. Еще не смята грязь, и вязкую глину не заменили асфальтовые дорожки. Но огромные серые дома стоят прочно и твердо, точно великаны, пришедшие завоевать окранию и уже наступившие тяжелой пятой на соседние деревянные избышки. Правда, внутри домов план квартир все еще старей, с учетом всех особенностей индивидуального хозяйства. Но и среди них есть этажи, в котором сломаны перегородки, уничтожены лишние кухни, и маленькие обособленные комнаты объединены в большую квартиру. Здесь плавится быт, здесь стывают старые привычки и характеры людей, сложившиеся в нездоровых условиях прошлого. Отсюда начнется борьба с корпусными социалистическое переустройство рабочего быта.

Бытовую коммуны Пролетарского района уже многие знают, о ней слышали, его интересуются.

Коммуна существует полтора года. Идея создания ее зародилась у ребят завода «АМО» еще при поездке на коллективную дачу. После долгих хлопот, просьб, поисков помещения и обнищания порогах одиннадцать металлистов—саесари, токари, сверловщики—с заработком с шестого по второй разряд организовали коллектив.

Вначале были общестены только питание и квартира, на которые отчислялось по 40% с заработка каждого члена коллектива. Никакого порядка в расходевания денег, оставшихся на руках у рабочих, не было. Деньги быстро исчисляли, и рабочий неизменно к концу пачки оставался без гроша. Но затем жизнь показала необходимость перехода к стопроцентному общественному зиплату. Это не только дало возможность партию подготовиться, это сразу изменило бытовые условия коллектива—улучшилось питание, коммунары стали лучше одеваться. В коммунальном кошельке появились такие сокращения, что ребята смогли летом поехать с экскурсией на Кавказ.

Коммунары понимали, что они должны распространить свой опыт на несколько предприятий Пролетарского района, чтобы создать в них ячейки нового быта. Постановлением райкома коммуна завода «АМО» сделана районной. Заводом было предложено завербовать новых коммунаров. Желающих нашлось так много, что понадобился целый корпус.

Но коммунары тщательно проверяют заявления. Они прекрасно видят, кто и как

ими целими идет в коммуны: хочет ли вновь вступающий жить интересами коммуны и вести борьбу за интересы рабочего класса или ему просто нужна жилищная площадь.

Повышенное заявление в коммуны общественные организации должны рекомендовать как хорошего производственника, общественного и товарища. До окончательно переселения в коммуны с рабочим знакомятся в течение нескольких вечеров. И если парень отвечает всем требованиям коммунаров, его принимают на общем собрании коммуна.

Сейчас в коммуны 22 человека с заводов «АМО», «Серп и Молот», «Клепчук и ГЭТ», из них восемь женщин. Самому старшему в коммуны 29 лет.

В коммуны живут четыре семьи и маленький коммунары—дестимесный красносский мальчуган, сын коммунара. Он воспитывается за счет коммуны. Днем он обычно бывает в яслях, а по вечерам «пребывает» на балконе.

Два коммунара женились на коммунарах, двое же нашли жен вне стен коммуны.

В коммуны восемь комнат, один учебный кабинет—учеба обязательна для каждого коммунара,—столовая, кухня, две ванны. В комнате девушек какая-то особенная строгость и чистота. Единственная нерешившая—в шкафах—была ликвидирована последним налетом ударной бригады по осмотру гардеробов. У ребят тоже чисто, но бесхозные одеяла покрывают кроватки не так тщательно, видно, что на них иногда лежат. Это подтверждает заметка в стенгазете: «Лозунг—режим экономии—Шпекс».

Бытовая коммуна АМО. Утро в комнате девушек.

Бытовые коммуны, возникающие сейчас уже не мистическое чудо, получают самое широкое распространение в ряде работников историческое к себе отношение, возмужание против организации производственно-бытовых объединений, возможный разрыв их—звонят комитетом печати серии очерков о бытовых и производственно-бытовых коммунах, которые наиболее точно представляют картину быта и быта.

Прислать наших читателей прислать нам тексты и

ним превращается в жизнь. Он бережет мусор в своей постели.

В каждой комнате хозяйствуют по 3—4 одинаковых кровати, по одному шкафу, столу—тоже одинаковых, даже рисунки скатертей один и те же.

В комнатах нет ничего лишнего, ничего ненужного.

Коммунары встают в шесть с половиной часов, по свистку Сангина, добровольно взявшего на себя эту обязанность. Под его же руководством происходит утренний туалет, затем чай—и на работу.

По возвращении коммунары делают то, что он считает нужным: отдыхает, читает, учится, играет, беседует. Иногда все коллективом идут в театр или кино. Коммунары не связаны никакими узкими расписанием времени, кроме чая и ужина.

Редкий вечер проходит без гостей. Коммуны часто посещают иностранные товарищи, экскурсия с заводом. Рабочий интересуется коммуной, как какой-то невиданный заповедник быта. На производственных коммунаров распространяется жадность без коридорах, курящих—всюду, где только встретят.

Как-то Кумани заболел и лежал в больнице. Навещать его ходили все коммунары. Больные недоумевали.

— Кумани, что это к тебе так много народа ходит. Неужто все семьи?

— Да, семья у нас большая—коммуна.

Больные заинтересовались бытом коммуны, записали адрес ее и обещали прийти посмотреть на коммунарские жилища.

Коммуны посещают многие. Но вот те, кому особенно следует интересоваться, руководить ею, содействовать ее росту, те в коммуны не заглядывают—я говорю о Пролетарском райкоме.

В коммуны большая партийная прослойка—11 кандидатов партии, но у них иногда встречаются такие вопросы, которые без помощи райкома не разрешить. А райком смотрит на коммуны, по видимому, как на гостиницу. Иначе чем объяснить такой факт.

Приходит заведующий прачечной МКХ в райком и просит квартиру. Райкомцы очень нахально:

— Где жить, говорим? Валя в коммуны, там уютней.

Бытовая коммуна в Ленинском районе.

Бытовая коммуна в Ленинском районе. Член коммуны ее

НЕ МЕЧТА

де производственной, на основе коллективной коммуны. Однако возникновение этих островков будущего. Высказываются опасения (в частности, известной коммуны со стороны тов. Ларина), что отсутствие постоянной формы организации бытовых и трудовых связей влечет за собой. Смысл настоящего материала начинается с коммуны, рассматривая, что помещено и как в области создания новых коммунистических форм быта. Делится опытом коммунистической организации быта.

Амоские коммунарки вносят дрова в общую кухню.

организовать в корпусе общественное питание и уход за детьми. Экономика от обслуживания кухню уже подсчитана: 40 примусов, дрова, керосин, горшки, мясорубки, посуда, время на очереди, на приготовление обеда и площадь кухни. Освобождены 30 комнат, или 7 квартир.

Цифры, которые не могут не повлиять на коллективизацию быта.

Теперь об основном, о главном.

Как относятся к производству коммунарки, способствуют ли они дальнейшему росту производительности?

Огромнейшие сдвиги, происходящие за последнее время в рабочем классе, вызывают необходимость коренной перестройки быта. Бытовые коммуны стихийно растут на предприятиях, в вузах, общежитиях. И вопросы, выдвинутые в статье тов. Ларина, имеют сейчас огромное значение. Перед государством стоит задача дополнить дополнительную рабочую силу для растущего с каждым годом промышленного производства. Могут ли коммуны содействовать этому росту, если создание их означает фактическое уничтожение тарифных разрядов?

Статью Ларина в «Комсомольской Правде» коммуна обсуждала в течение нескольких вечеров.

Коммунарки говорят:

— Все эти утверждения можно проверить на нашем опыте.

— В коммуне живут рабочие с заработной платой, начиная с 175 руб. и кончая фабричниками, получающими по 25 руб. Как работают низко оплачиваемые рабочие? Какое всего нужно сказать, что в нашей коммуне участие в поднятии производительности

сти труда и повышении квалификации ставится обязательным условием для каждого коммунара. У нас есть четыре сектора: финансовый, хозяйственный, культурно-массовый и сектор учебы и труда. В обязанности этого последнего сектора входит систематическая проверка работы коммунаров на производительность. При таком контроле забыть о производительности коммунару, если он только хочет оставаться в коммуне, никак нельзя.

Все коммунары рвутся к работе. Сверхлишние с завода «АМО» Сергей Тарасевич после вступления в коммуны организовал на производстве ударную бригаду. Гигантская с завода «Сери и Молоты» Марго Арциванова создала на заводе первую производственную коммуны. Поля Аняньева, бывшая домашняя работница в коммуне и выдвинутой коммуной на производительность, оказалась на заводе «АМО» одной из лучших работниц в цехе. В коммуне, с помощью ребят, она обучалась грамоте.

Фабрики, получающие по 25 руб. и привыкшие расходуя деньги на расчеты своего маленького бюджета, искренне стесняют себя в коммуне. Это огорчает всех коммунаров и создает какую-то неловкость в отношениях. Фабричнички напрягают все силы, чтобы поскорее получить и достать до квалификации других коммунаров.

Должны ли коммуны создаваться только на основе производственных коммун?

Савин отвечает:

— Это будет узко-заводская заводская коммуна. Я не сторонник ее. Во-первых, в такой коммуне не будет обмена опытом между рабочими, а значит и между предприятиями. Во-вторых, это не выйдет. Не всегда вся семья рабочего работает на одном заводе. Жена рабочего может работать на «Трехгорке», сын на «Красном Богатыре», дочь еще где-нибудь. Если создавать коммуны на началах производственного объединения, то выходит, что рабочий должен жить в коммуне «АМО», жена — в коммуне «Трехгорки» и т. д. На этой основе даже из одних холостяков производственной коммуны не созданы. Парни будут жениться на девушках других предприятий.

Коммуна только в одном согласна с Лариным: всему рабочему классу нельзя перейти на устав коммуны.

— Артель как переходная ступень нужна не имеет никакого повода умалять значение коммуны, утверждать, что коммуна вредна. Опасность давления деревенских интересов в коммуне исчезает, если в коммунах будет введен тщательный отбор вновь вступающих производственников.

Ленинград. Наглядное наглядное.

Ленинград. Комната радиолюбителей радиолюбителей.

Бытовая коммуна в Ленинграде. Комната валюты и тихого отдыха.

В АРХАНГЕЛЬСКОЙ БЫВШЕЙ ГУБЕРНИИ...

Ив. Молчанов.

Березы, да ели,
Да снег от саеи,
Да смутные
Тени вечерние...
Я снова брожу
По родной стороне,
В Архангельской
Бывшей губернии.

По бывшим уездам,
С ночной тишиной,
С метелью
И северным холодом, —
Как новья, снова
Шагает со мной
Моя забубенная
Молодость!

Привет вам,
Мои дорогие места!
Примите
Залётного сокола!
Проста ваша встреча,
И песня проста,
И потом
Рубаха промокла.

И бор вековой
По-давнишнему сед...
Не видно:
Вершины ли? Небо ли?
И кажется мне,
Что одиннадцать лет
Приснился,
А, может быть, не были?

Вот здесь,
Где теперь
На застывшей реке
Туман полотенцами
Стелется, —
Я в детстве играл
На наступшем рожке,
В тени покосившейся
Мельницы.

Ах, старая мельница,
Где же твой след?
Где заводь твоя
Полногрудная?
Мне ильные сказали,
Что сельский совет
Убрал тебя вместе
С запрудой.

А ниже, за плёсом,
Где берег реки
Украшен был
Мохом да тиною, —
Поставило общество
С легкой руки
Турбину
С динамомашинною!

С лучиною дымной
Изда не дружит,
Коптелы в сараи
Заброшены;
Там кровь молодая
По жилам бежит,
Что мелью в окошки
Проложена.

Прощай, моя мельница,
Юность, прощай!
Пастушка тоска
Не навяжется...
По-новому дышит
Архангельский край
Лесной, железячий
Да кряжистый.

По-новому дышит...
Светла, горяча
По-новому песня звучащая!
Я видел, как трактор,
Сердась и порча,
Промола непролазною
Чащею.

Светай, моя песня,
С обветренных губ,
Чуб новых
По-новому радовать!
Я видел:
В избушке лесной
Лесоруб
Усердно настраивал...
Радио!

Губерния, где ты?
Ау, страна!
Без отклика
Песня желовкая...
Вот здесь,
Где шумела
И рдела война, —
Шагала я на север
С витовкою.

В шальную пургу,
В двадцатидесятый год...
Теперь я безмолвен,
Как в трансе я:
Здесь были окопы,
Но вырост завод,
И выросла новая станция.

Родная моя,
Да куда-ж я попал?
Шумя проводами-волоками
На месте траншеи
Сивет вокзал
Веселыми
Светлыми окнами!

А я-то грустил
О тайжных лесах,
Где ночь, да снега,
Да случайные
Случайных гостей
Прозвенят голоса,
Шагающих
Тропами тайными.

К ушедшему, верю,
Не сыщешь пути...
Дружь,
В заворушку вечернюю,
Скажите, пожалуйста,
Как мне пройти
В Архангельскую
Губернию?

Архангельский край,
лето 1930 г.

ВАШ ДРУГ

Рассказ Насимовича

Рис. И. Рабичева

Ипполит и Энгель оба поступили в Лодзи на одну и ту же большую ткацкую фабрику.

Это событие Энгель отраздновал шумно; обогранные красные корпуса, гуделины и дровяные, казались ему университетом, где он пройдет настоящую науку. Ипполит шел в эти корпуса брезгливо и задумчиво, как в тюрьму. Он точно нырнул туда, и жизнь его стала невидной для Самуила. Энгель вступил в комсомол и с толковой ушел в лихорадочную работу по объединению ткачей; все свободное время он ходил по квартирам рабочих и с несколькими друзьями даже взялся за трудное дело: устройство тайной типографии.

Одна раз летом Энгель сидел вечером на бульваре, живо поглядывая на проходивших. Здесь у него назначена была деловая встреча. Вдруг приблизился к нему высокий Ипполит и конфиденциально пошел на скамейку.

— А, здравствуй, Польш!—оборвался Энгель.—Давно мы с тобой не говорили, сколько лет, сколько зим... Так можно, пожалуй, и раздружиться... Я даже считала, что ты как-то по недоразумению был арестован и через месяц выпущен. Да я завертелся, не успел оглянуться, тебя и выгнали. Что? Как? Правда?

— Да, так можно и раздружиться,—повторил с укором Ипполит, не отвечая на вопросы.—Ты все суетишься и забываешь старых друзей... А дружба—самое главное на свете.

— А что у тебя новенького, старый друг?—удивился ему Энгель.—Ты знаешь, ведь, говорят: дружба дружбе рознь, а иную хоть брось.

— Почему брось?—встренулся Ипполит, и одна бровь у него вздрогнула.—Как

ты можешь так обидно говорить, я тебе не Люлек Карашикий!

— А что Люлек? Я такого не знаю. Люлек, Люлек... Какой Люлек?

— Его перевели на другую фабрику.— Ипполит приближусь к Энгелю.— Ты знаешь, ему предложили вступить в политическую полицию...

— Как?—живо повернулся Энгель.—Я ничего не понимаю...

— С ними был такой роковой случай,— начал тихо Ипполит.—В июне, в 1925 г. его арестовали. Не здесь, впрочем, а в Холе. И знаешь, агенты зверски били его. Был... понимаешь? Они показали ему воззвание коммунистов, где была описана мученическая смерть в полицейской комедатуре одного арестованного...

— Да, я знаю это воззвание,—сказал Энгель.—Мне его распространяли. Ну, и что? — Агенты сказали Люлеку: «Мы с тобой сделаем то, что вы сделали». Здесь написана ложь, а мы сделаем так, что все это будет правдой».

— Это они ошиблись,—перевел Энгель.— Не ложь, а правда... Но откуда ты знаешь и почему заговорил об этом, раз это было не в Лодзи?

— Это меня мучит... Мучит... Нет, не то, а не так сказать,—спохватился Ипполит.— Это у меня не выходит из головы... Я боюсь, как бы и с тобой чего такого не случилось...

— Спасибо,—удивился Энгель.—Я вижу, что ты все еще хранишь старую, верную дружбу. Впрочем, и плохо тебя поняла, чего ты боишься: того ли, чтоб я не вступил в ряды врагов, или того, что меня взбоят жандармы... Но прости, ко мне идет один нужный мне человек, я тебя покину.

Самуила Энгель и Ипполита Лучак были неразрывные товарищи по школе, они сидели на одной парте, делились скудными завтраками и затрепанными книгами. Оба были бедны и оба ждали лучших дней.

Когда Самуила первый раз с трепетом прочел «Коммунистический манифест» и обдумал его, он долго потом гулял с Ипполитом и, волнуясь, рассказывал ему о необыкновенной книге, где так ясно, так убедительно показан железный ход всей Европы к коммунизму.

Ипполит жадно слушал цветистую, беспорядочную речь Энгеля, но у него появилось какое-то новое выражение на тонких губах и впоследствии он пощипал головой и вздохнул. Этот вздох ни к чему, ни к городу ободил Энгеля.

— Ты что?—почти крикнул он.—Ты не смеяешься ли, простачок?

— Знаешь, Самуил,—сказал тот задумчиво, разражая Энгеля легким тоном,— я думаю вот что...

— Что ты думаешь?—насторожился Энгель, глянув на рыжие вихри приятеля и завяв его за вснупухатую руку.

— Я думаю вот что,—торжественно сказал Ипполит, оглядывая вечерний лустерь, по которому они ходили.—Всегда будет голова и всегда будет руки. Руки работают, а голова—наверху, понял?

— Что-ж тут понимать!—пожал плечами Энгель.—И голова работает. Что следует из твоего примера, что?

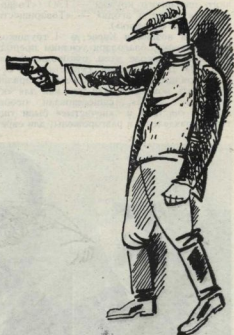
— Ничего,—вздыхнул покорно Ипполит.—Но так говорит наш ученый дядя...

— А кто твой дядя? И чему он учен?

— Мой дядя чиновник а дефензиве (а охранке); правда, он очень маленький чиновник...добавил смущенно Ипполит, заметив, как вспыхнула горячий Энгель.

— Ну, ты держись подальше от этого дяди!—сухо сказал Энгель, и ему стало досадно смотреть на Ипполита. Странно: чем больше этот рыжий мальчик вытаскивался в ложнош, тем более узнавай и какой-то покорный вид принимал он. Тот ли это Ипполит, что был раньше?

Это была первая размолвка приятелей. Им каждому исполнилось по 15 лет.

Ипполит конфузиво протянул ему потную руку; он был обижен, что Энгель не выслушал его рассказа до конца. А Энгель уходила с казими-то веселым рабочим и даже не обернулась.

Через неделю Энгель опять столкнулся с рыжым Ипполитом; они вместе вышли из фабричных ворот.

— А я, ведь, тебе тогда не доказал историю... — начал Ипполит, нагнувшись.

— Да да, воскликнул оживленно Энгель, — про этого провокатора Тылодожа?

— Почему провокатора? Ты подожди, — обиделся хмурый Ипполит. — Ты еще не знаешь. Его перенесли в Луцк, в тюрьму, и там, прежде всего, аспирант политической полиции ему заявил, что он может все с ним сделать, даже убить.

— Вот негодник! — вскринула гневными глазами Энгель. — Ну, и что?

— Дальше он, этот полицейский Зарембо...

— Зарембо? Так его фамилия?

— Да. Он написал подробные показания, которые сам выдумал, и велел подписать их Людеку, Людек отказался.

— Так всякий сделал бы на его месте! — горячо и с негодованием воскликнул Самуил.

— Ты подожди, — нахмурился Ипполит. — Все это не так просто, как ты думаешь. На другой день судебного следователя и товарища прокурора опять предложили Людеку подтвердить показания, которые сочинил Зарембо. Они ему обещали, — знает, что они ему обещали за простую подпись под бумагой? Они ему обещали 2000 злотых и даже заграничный паспорт, если он боится мести тех, которых арестуют по его доносу. Людек отказался, все-таки отказался.

— А как же иначе! — сказал спокойно Самуил Энгель. — Ты это говоришь таким образом и похоронным тоном, точно жалеешь, что он не заработал 2000 злотых.

— Нет, я не говорю это таким тоном! — раздраженно перебил его приятель. — Я люблю на 2000 злотых, я люблю. Ты люблю.

И он, действительно, плюнул в сердцах на тротуар и шаркнул длинным ногом.

— И хорошо делаешь, — усмехнулся Энгель. — Только что-ж тебе плавать, деньги-то тебе предлагают.

— Ты слушаешь. Они заковали Людека в кандалы. Ты понимаешь? Они заковали его вместе с человеком, у которого была чашка в последней стадии, и тот бредил и умирал... Ты погубишь, как собака, — говорили они, — если не будешь служить нам». Понимаешь, как собака, — глухо повторил Ипполит каким-то лояющим голосом. — И Людек сдается. Вот... видишь... сдается. Он не только подписал доклад, он пошел на все.

Ипполит и Самуил стояли теперь на углу и молча смотрели друг на друга. Это было странное молчание.

— Где он, этот твой Людек, о котором ты выдумал всю эту историю? — наконец резко спросил Энгель. — И зачем ты это все выдумал?

— Это правда! Чистейшая правда! — воскликнул Ипполит в тоске. — Но ты не ценишь старую дружбу, Самуил! Я тебе рассказывал, потому что это мучит; а тебе от крыла... Тут Ипполит заинулся. Шеки его ослили, он был жалок. — Если не решишь, тогда прощай.

После странного разговора о Людеке Энгель стал сторониться Ипполита и старался с ним не разговаривать. Он и сам как следует не понимал, чем неприятен был ему теперь Ипполит.

Несколько месяцев спустя происходила Лодзинская районная конференция коммунистического союза молодежи. На конференции Энгель, к удивлению своему, заметил рыжие вихри Ипполита.

— А, и ты? — воскликнула небрежно Самуил. — Вот не ожидал!

— И я, как и ты, как и все порядочные люди, — неприятливо сказал Ипполит и отвернулся.

«Еще еще злился: я тогда решил, что он выдумал из головы какого-то дряблого парня, потому что январдари хотели подарить 2000 злотых. Вот чудело!»

И Энгель больше не обращал внимания на Ипполита.

Через три дня, как только кончилась конференция, лодзинские комсомольцы разнесли по городу тревожную весть: было арестовано десятка два делегатов; аресты происходили быстро и правильно, как-будто, по прозвонному списку.

«Сдело что-то не чисто, — задумался Энгель. — Уж не затесался ли в наши ряды тот, как называл его тогда Ипполит, Людек какой-то Карвинский?»

Энгель быстро навел справки: не было никакого Людека, никто не мог ему сказать, что-либо о Карвинском. Тогда Самуил решил разыскать Ипполита, но оказалось, что Ипполит был также арестован.

Прошло две недели.

Однажды вечером Самуил вдруг встретил в толпе знакомую высокую фигуру; рыжий паренек, такой знакомо-сутулый, оглянувшись раза два назад на Энгеля, юркнул куда-то и исчез.

«Ипполит», мелькнуло в голове Энгеля, и он принюхиваясь к запаху, помычал со всех ног, чтобы достигнуть Ипполита.

Да, это был Луцк. Вот он! В переулке догнал его Самуил, хотя тот и жался в тень, прятаясь от фонарного света. Это его была потная неприятная рука, которую он сунул Самуилу, сунул как-то виновато и остановился, тяжело дыша.

— Здравствуй.

— Что это ты так бежишь?

— Спешу...

— Спешить?

— А почему мне не спешит? — воскликнул Ипполит жалко. — Вот еще! Право, ты мне не нравишься...

— Да ты не сердись. Ведь ты, кажется, арестован?

— Меня вчера выпустили.

— И всецел?

— Не знаю. Меня выпустили до суда...

— Ах, вот как! Ну, прощай, Ипполит... Право, что-то ты мне не нравишься...

Ипполит буркнул неприличные слова и злобно пошел от Самуила, пошел так же быстро, как и в тот раз, когда они говорили о каком-то Людеке.

До суда прошло месяца два. В эти дни Самуил не раз слышал от друзей: «Нико, как Луцк, всему миру в этих арестах... Но Самуил еще пробовал уверить себя, что дело обстоит не так.

На суд Луцк не был вызван, — это была последняя капля.

В тот день Самуил долго бродил по городу, он перебрал в голове все свои встречи с неуклюжими Ипполитом и все, что слышал от рабочих о Луцке. Выходило очень плохо, очень плохо. И это — Ипполит, тот самый Ипполит, который сидел с ним за одной партией, тот, с которым они читали вместе козг-то Майн-Ридла...

Так прошло несколько дней; следы Ипполита были затеряны; но все справки выходило, что Луцк перебрался в Варшаву. И вот однажды вечером Самуил встретил на бульваре Ипполита. Он даже вскрикнул от неожиданности. Тот шел по темной аллее, стоял уединенно с Самуилом, вздрогнул и остановился.

— Ты? — тихо, угрожающе сказал Энгель и живя выхватил револьвер из кармана. — Ты, предатель?

— За что? За что? — внезапно закричал бабьим голосом Ипполит и, отступив несколько, растерянно прикрыл лицо руками.

— За то, что ты предал нас! — крикнул громко Энгель и, целая, выстрелил. Пять пуль выпущены он, стон у ствола старой ильи, и затем, весь треща, отдался в руки полиции.

Ипполит лежал на песке — он был мертв.

Полевой суд вскоре приговорил молодого Энгеля к расстрелу. Но до расстрела три дня пытался его польская охранка, желая, чтобы Самуил назвал сообщников. Тщетно: все вынес Энгель, все муки вынес он, не скажал ничего лишнего.

Адвокат, защитник Энгеля, после суда сумел найти какие-то новые обстоятельства: выходило, что по закону приговор должен быть смягчен. Но узнав о хлопотах адвоката, власти распорядились привести приговор в исполнение немедленно.

Самуил Энгель был расстрелян за 12 часов до срока. Так оборвалась горячая жизнь молодого революционера. Мужественно погиб он, на память об Энгеле живет среди польских рабочих.

В ГОСТИ К КРАСНОФЛОТЦАМ

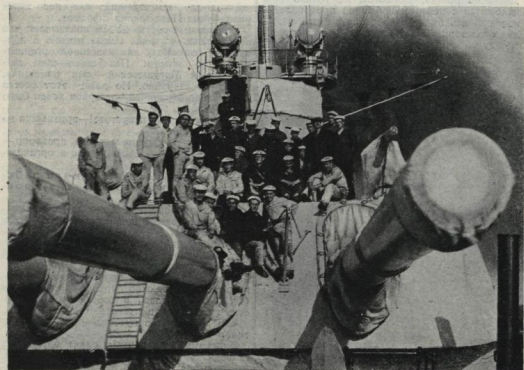
Летом текущего года редакция «Смены» устраивает поездку своих читателей и подписчиков в гости к краснофлотцам Черноморского и Балтийского флота.

В поездке примут участие 60 человек, премируемых за лучшую работу по распространению «Смены» в Московской области, 20 человек подписчиков и читателей по конкурсу «В гости к краснофлотцам».

НА СНИМКАХ:

Сверху—сигнальщик о «Коминтерна».
Внизу—на линкоре «Марат».
Вверху справа—определение положения судна при помощи секстанта.
Внизу справа—матросы корабельной палубы.

Это звучит заманчиво. Это сулит столько нового, интересного и необыкновенного, что хочется скорее узнать, что же увидишь, когда попадешь в гости к краснофлотцам: Во-первых, увидишь море. Увидишь пикерады, стоящие у стенок, увидишь потрепанные смоленые парусники, беснутому скользящие под бурями и серыми парусами, увидишь блестящие буксиры, катеры, белокрылые быстрые яхты и крошечные ялики, суетящиеся в гавани.

Все это движется, торашит, и над всем стоит шум порта и запах моря.

А на рейде стоят серые громады военных кораблей, их низкие, окантованные тьмелой броней борты круто спускаются в воду, оглаживая в мутных водах, и только огромные оружейные башни возмущаются, вытянув над палубой пушки, точно огромные растопиренные пальцы.

На палубе движется краснофлотец в широких аленгах, в белых форменках, а то и просто в трусах. Они до баека чистят медные части, скребут палубу жесткими швабрами и скатывают грязь морской водой, упругой струей, бьющей из брауншвейгера.

Но вот катер, пришедший за вами, подвалил к пристани. Ты усеялся, а через десять минут уже подошли к борту военного корабля, где вас ждут гостеприимные хозяева—краснофлотцы. Вам показывают кубрики, в которых живет команда. Вам показывают красный уголок, а потом вас угощают сытным и вкусным краснофлотским обедом.

За обедом и после него моряки поперебой рассказывают о походах, маневрах, о своей жизни и о том, как красный флот готовится защищать морские границы Советского Союза. Расскажут о морской учебе, покажут, как нужно пользоваться сигнальными флагами, спасательными кругами, компасом, секстантом, картой и многим другим. И, может быть, краснофлотцы покажут вам, как они веселятся. Тогда на палубе появятся балаалайки, гитары, гармошки, и начнутся танцы.

Так незаметно пройдет день, и вы вернетесь на берег, уверенные в том, что попасть на Советский Союз с моря не так-то просто, потому что у нас есть крепкий, бесспорный Красный флот и крепкие бойцы-краснофлотцы.

ОДНОВРЕМЕННО ВСЕ 6 ТАЛОНОВ, ТЫ ПОЛУЧИШЬ

СЛЕДИ ЗА «СМЕНОЙ», ВЫРЕЗАЙ ТАЛОНЫ, ПРИСЛАВ В РЕДАКЦИЮ

ПРАВО УЧАСТВОВАТЬ В РОЗЫГРЫШЕ БЕСПЛАТНЫХ ПОЕЗДОК ВО ФЛОТ

„ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА“ — ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „СМЕНЫ“

ЧЕГО ТРЕБУЮТ ЧИТАТЕЛИ

НА НОВЫЕ РЕЛЬСЫ

Прошедший зимний конкурс «Технической грамоты» вызвал многочисленные отклики наших читателей. Большинство предложенных читателей сводилось к требованию перестроить «Техническую грамоту», сделав ее более доступной для широких масс.

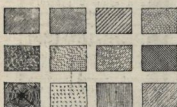
Читатель К. Л. и М. К. пишет: «Об предлагая редакции поставить игру «Техни. грамота» на новые рельсы. Надо, чтобы «Техническая грамота» заинтересовала комсомольцев».

Тов. Д. Шерман (Москва) предлагает ввести в «Техническую грамоту» вопросы строительной техники.

Тов. Клепачев А. П. (с. Вятское) просит ввести новые формы задач.

Тов. Купенко (Москва) считает, что «Техническая грамота» — одно из лучших начинаний «Смены». Он рекомендует шире развернуть этот отдел, построив его так, чтобы читатели могли расширить свой технический кругозор. Задачи должны вызывать коллективное обсуждение, направляя внимание молодежи к технике.

Группа читателей г. Берселева, Херсонск. окр., просит перестроить «Техни. грамоту» так, чтобы она была одновременно интересна читателям различных профессий: текстилям, металлстам, печникам, плотникам и др. А также тем, кто не имеет технических знаний. Они просят помещать задачи, для решения которых читатель должен проявить возможно большую сообразительность, одновременно усваивая законы техники.

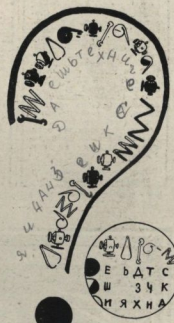
На какого материала?

ИЗ КАКОГО МАТЕРИАЛА

Уметь читать чертеж — обязательное условие для каждого технического грамотного человека. Для того, чтобы упростить работу над чертежом, чертежная практика широко применяет систему условных обозначений.

Мы даем 12 условных обозначений различного рода материалов. Для того, чтобы облегчить усвоение этих условных обозначений, мы даем название материалов, которые ими изображены. Распределите эти названия под соответствующими условными обозначениями: 1. Красная медь. 2. Пенька. 3. Железо. 4. Бронза. 5. Цинк. 6. Желтая медь. 7. Сталь. 8. Пробка. 9. Дерево. 10. Чугун. 11. Кожа. 12. Санины, баббит.

Фамилия товарищей, приславших правильные решения задач, будут напечатаны

Что здесь написано?

ШАШКИ

Под редакцией В. В. МЕДКОВА

4-й конкурс решений задач и этюдов

Этюд № 6

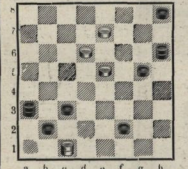
Этюд № 7

А. Бейлинсон (Смоленск)

Ст. Бухтеев (Москва)

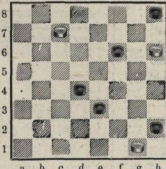
Печатается впервые

Печатается впервые

Белые: Д, а1, пр, d6, e5, e7, ... (4)
Черн.: Д, a3, b4, пр, b2, c3, f2, g5, h8, ... (7)

Белые начинают и выигрывают.

Белые: пр, e7, g1, h6, ... (3)
Черн.: пр, d4, e3, f6, h2, h3, ... (4)

Белые начинают и выигрывают.

Решения 3-го конкурса

(„Смена“, 1929 г.)

Задача № 4 А. И. Медкова (Вал. Д. а7, с7, e7, g7; пр. a5, f2. Черн. пр. d2. Запереть прошту).

1. f2—e3 d2:b8 (A) 2. g7—c3 3. a7—b6 и 4. e7—b4. (A) 1... d2:b6 2. e7—g3 3. g3—h4 4. h4—g3 и 5. a7—g1.

Этюда № 6 В. М. Богуславского (Вал. пр. d6, e3. Черн. пр. a5, a7, b4. Выигрывает).

Не решается, так после 1. d6—e7 b4—e3 2. e7—f8 последует 2... a4—b4 3. f8:a3 a7—b6, и ничья.

На переименование этюда указали: Л. Рубинштейн (Ленинград), Л. Делебург (Правду), И. Поляков (Ленинград), З. Сихович (Харьков), Н. Крылов (Ленинград), П. Цыкович (Одесса), Е. Златит и А. Бутычев (Томск) и А. Кашаев (Высоково-Некрасово).

Этюд № 7 А. Фейдана и (Вал. Д. g3, h2; пр. f4. Черн. пр. b2, h8, d2, h6. Выигрывает).

1. g3—e1 b2—c1 (если 1... d2—c1, то 2. e1—h4 3. h4:a1 и выигр.; если 1... b2—a1, то 2 e1:c3 3. h2:f4 h8—g7 4. f4—e3 и выигр.; если 1... h6—g6, то 2. e1:a1 3. h2:g1 e3—d2 4. a1—c3 5. g1—d4 и выигр.). 2. e1:b4! 3. h2—g7 4. b4:b4, и выигрывает.

Этюд № 8 Юрия Шмидта (Вал. пр. b4, d4. Черн. пр. a7, e7, g7. Ничья).

1. d4—e5 7—h6 (если 1... a7—b6, то 2. b4—a5 e7—d6 3. e5:e7 4. a5—b6 и ничья) 2. e5—f6! 3. b4—c5, и белым первыми занимает большую дорогу, и ничья.

Задача № 5 Ф. И. Стоянова (Вал. Д. b6; пр. e7, d6, e5, g1, h2. Черн. пр. b5, f8. Запереть прошту).

1. d6—e7 2. g3:e6 3. h2—g3 и 4. b6—g1.

Этюд № 9 Л. Либериана (Вал. Д. a1; пр. b4. Черн. пр. e7, f6, g5. Выигрывает).

1. b4—c5 e6—f4 (е-и 1... g5—f4, то 2. a1—f2, и выигр.; если 1... g5—h4, то 2. c5—d6, и выигр.) 2. c5—d6! 3. e1—b4, и выигрывает. Имеет сходство с этюдом В. Валушкина и „Удуде“. Вал. Д. e1; пр. b4. Черн. пр. e7, e5, h6 (Л. Рубинштейн).

В ГОСТИ К КРАСНОФЛОТЦАМ

ТАЛОН № 4

НА ПОЕЗДКУ В РКК ФЛОТ

В очередных №№ «Смены» будут напечатаны еще 2 талона. Между прочим, в редакции все 6 талонов будут размыты 20 поездов за счет редакции в гости к краснофлотцам в Балтийское и Черное моря.

ВСЕ ШЕСТЬ ТАЛОНОВ ПРИШЛИ В „СМЕНУ“

ВЫРЕТЬ И СОХРАНИ

КАЖДЫЙ РАТНИК
КАЖДЫЙ КОМСОМОЛЕЦ
 должны знать историю жизни **КАРЛА МАРКСА** в издании Ф. Меринга. 442 стр., 6 вкладок, портретом. Цена 2 руб.

КАКОВА БУДЕТ ЖИЗНЬ И ТЕХНИКА БУДУЩЕГО?
СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ.
 Будущее, производство, транспорт, связь, город, сельское хозяйство. Международные отношения. Человек будущего и его психология. Сборник статей Ари. А.ма, проф. Лобачевского, Чанова, Орлова, Баскина, Мельникова, Яковлева. 503 стр., 4 вкладки. Цена 2 руб.

СКУЛЬПТУРА
 Бюст Ленина раб. Андреева 25 р., бюст Сталина раб. Виноградова 25 р., бюст Ленина мал. наст. 1 р. 50 к., бюст К. Маркса раб. Тажанова 30 р., К. Маркса (мелкий, в.) 10 р., бюст Сталина раб. Стрелка 20 р., Барельеф Ленина настольн. 1 р. 50 к., Барельеф Сталина настольн. 1 р. 50 к., Барельеф Ленина круглый 75 к., Барельеф Сталина круглый наст. 1 р. 50 к., Барельеф Дзержинского настольн. 75 к., Барельеф Дзержинского круглый 80 коп. Указаны и переслана по желанию. Заказывайте при получении 25% стоимости.

Поступила в продажу новая серия диалогитов для проекционного фонаря
„АНТИСЕМИТИЗМ И БОРЬБА С НИМ“

Серия состоит из 68 черных и 2 красочных диалогитов.

СОДЕРЖАНИЕ:

Равель: I—Прот антисемитизма	6
II—На какой социальной почве возникает антисемитизм	4
III—Национальный вопрос и антисемитизм при капиталистическом строе	4
IV—Антисемитская политика царского правительства	9
V—Как Октябрьская революция превратила национальный вопрос	6
VI—Взрыв на земле и производстве	19
VII—Как бороться с антисемитизмом	22

Серия диалогитов составлена применительно к методическому пособию АННО МК ВКП(б) для дошкольников и групповых агитаторов и выполнена по указанию Общества и тов. Ю. Парина.

Цена всей серии с упаковкой 29 руб. 80 коп.

Пересланы по действительной стоимости.

Выдается по получению заказа в размере не менее 7 руб.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ИЗУЧАЕМ
 по самоучителю ПИИМЗЕНА. Составлен по методу МЕТСКИНА по просьбам учащихся школ и враней. Под редакцией Г.С. Куря. Курс I (для начинающих) 2 р. 30 коп. Курс II (для продолжающих) 2 р. 50 коп.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
 под ред. проф. П. С. Ковалева.

состоит из 14 том. (выпуск 2000 страниц), включает лучш. произведения Энгельса, Золя, Огюстена Льюиса, Остайва Мирбо, Атаулли Франка, Вильгельма Замкельмана, Шардина, Новелло-Риондо и др. Цена 10 руб. Выдается по налож. платонку при получении ватмана в сумме 3 рублей.

БИБЛИОТЕЧКА начинающего ПИСАТЕЛЯ и РАБОРА

А. Крайский. Что надо знать начинающему писателю (выбор и чтение слов). 60 коп. А. Крайский. Что надо знать начинающему писателю о построении сюжета. 60 коп. Работа писателя над прозой (Пушкин, Гоголь, Горький, З. Золя). Сборн. статей. 80 коп. В. Дружин, Стиль современной литературы. 50 коп. Как и над чем работать писателю. Сборн. статей. Дзержинского, Малюшкова, Шацкого, Асеева и др. 1 р. 50 к. В. Савин. Опыт по истории русской поэзии XX века. 80 коп. М. Мавель, Новобуржуазная литература. 40 коп. И. Сивя, Французская литература. 20 коп. Г. Рубинзон, Современная итальянская литература. 20 коп. М. Травкин, Новая немецкая литература. 30 коп. Д. Ядовский, Литература Испании и Итальянской Италии. 20 коп.

Книги высылаются нажимным платонком. Присланные деньги верны за пересылку не платят. Заказывайте в деньгах адресом: Москва, ГОНЕЦ, Мосворонная, 24.41.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЫБРАТЬ ПРОФЕССИЮ,
 каждый должен прочесть книгу А. СЕНТРОНА
„ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИИ“
 Книга знакомит с основами выбора профессии и рассказывает о работе по разным специальностям. Цена 1 руб.

Не „окопанный“ рассказ

а результат применения
БЕЗДЫМНЫХ охотничьих ПОРОХОВ
ВОХИМТРЕСТА
 который выстрелом
РЕЗИНЬ КОЖИ при СЛАБОЙ ОТАЧЕ.
 Продажи в магазинах: Ленинград, Военно-Охотничьи Офицеры и всех местных охотничьих магазинах.

ВСХИМПРОМ СССР

НОТЫ
 ПУЧОК
 любые немедленно выслать наложен. платежом.
МУЗЫСЕНТОР ГОСИДАТА
 Москва, Неглинная, 14/40.
КАТАЛОГИ: фортепиано, вокальный, болель. духовн. орг., струнный, мас. худож. литерат. книг по музыке.
 Требуется бесплатно.

Достижения строительной техники
 Живо и интересно рассказаны в книге
ГОЛД, С.
ЗАВОЕВАНИЯ
ТЕХНИКИ
 Великие сооружения нашего времени.

УЧИТЕСЬ САМИ

ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИТЕЛЯ ПО НОВОЙ ИЛИ ПЕРВОЙ СИСТЕМЕ
 НА ГАРМОНИИ
 Самоуч. Сергеева и Голубева для всех. Духовн. русск. или немецк. строем, 21 илл., 12 таб., с приложением 29 плав. П. 1 р.
 НА БАЛАЛАЙКЕ
 Самоуч. Николаева. П. 1 р.
 Ильян А.—Самоуч. (гольбе по цифр. системе). П. 50 к.
 НА МАНДИЛИНЕ
 Самоуч. Петрова. П. 1 р.
 НА ГИТАРЕ
 Самоуч. Угасского. П. 1 р. 50 к.
 Завязки до 5 руб. высылать налож. платеж. плат. без вклада; свыше 5 р.—по почте заказом. Пересланы за счет выдатки. Москва, Петерг., Неглинная, 14/42.
МУЗЫСЕНТОР ГОСИДАТА

Перевод с английского, со многими рисунками. Стр. 224.
 Цена 1 р. 40 к.

Содержание: Мосты и их строение. Постройка мостовых опор. Как строить мост. Американские мосты. Строение туннелей. Строительство туннелей. Постройка каналов. Подземные сооружения. Долом. Дома-небоскребы.

МОСКВА, 64, ГОСИДАТ
„КНИГА“ высылается по почте наложенным платежом, немедленно по получении заказа. При высылке денег вперед — переслать бесплатно.

Возобновлять высылать по почте наложенным платежом, немедленно по получении заказа. При высылке денег вперед — переслать бесплатно.

„СМЕНА“?
 Подписная плата:
 9 м.—2 р. 45 к., 6 м.—1 р. 80 к., 3 м.—85 к.

Подписка принимается: Москва, Петерг., Кольч., Черемухинский пер. В. Издательство „Молодая Гвардия“ во всех отделениях издателя и вкредитных учреждениях.